

РОЛЬ ДИАСПОРАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ЖИЗНИ ЭКСПАТРИРОВАННЫХ МЕНЬШИНСТВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКИХ АРМЯН)

Наталья КОСМАРСКАЯ

*Центр изучения Центральной Азии и Кавказа, Институт востоковедения РАН,
г. Москва, Россия*

Ссылка на данную статью: Космарская Н. Роль диаспоральных институтов в жизни экспатрированных меньшинств (на примере российских армян) // *SOCIOLOGY.KZ.* – 2026. – №2(2). – С.46-68. <https://doi.org/10.36922/2026.2/sskz.19>

Аннотация

В сравнении с моделью институционализации, основанной на ключевой роли этнических организаций и характерной именно для постгеноцидной «западной» армянской диаспоры, а также для других групп мигрантов, оказавшихся вне «родины» в результате перемещений с глобального Юга в развитые страны, социально-политические реалии, с которыми столкнулись мигранты из Армении и других частей б. СССР при переселении в Россию, стали важнейшим фактором, снижающим потребность этой экспатрированной группы в поддержке диаспоральных институтов.

В статье, основанной на анализе более ста интервью с армянами в четырех городах России, а также на иных доступных материалах (опросы), показаны причины и проявления их слабого интереса к своим этническим организациям. Подавляющее большинство российских армян дистанцируются от них, являясь либо спорадическими «потребителями активности», предлагаемой армянскими школами, культурными центрами и пр., либо теми, кто их вообще не посещает или даже не знает об их существовании.

Этот общий вывод конкретизирован в статье через введение в анализ фактора неоднородности российских армян по местам выхода и моделям социализации. Кроме того, автор пытается оценить интерес к работе школ и кружков сквозь призму состояния идентичности и глубины интеграции.

Так, выделены три группы российских армян, слабо вовлеченных в деятельность диаспоральных институтов. Это армяне-старожилы, живущие в России на протяжении нескольких поколений и далеко продвинувшиеся по пути ассимиляции; «дети мегаполисов» – потомки мигрантов из Армении, родившиеся и прошедшие социализацию в поликультурной среде крупных российских городов; поколение самих мигрантов конца 1980-х – начала 1990-х гг. из разных частей Армении и Карабаха, которых можно назвать «самодостаточными» в ощущении себя армянами.

В статье также показано, в каких случаях представители последней группы, в опосредованной форме (в качестве родителей и родственников детей и подростков), становятся «потребителями активности» этнических организаций.

Ключевые слова: армянские диаспоры, российские армяне, этнические организации, формы участия, причины отстраненности

ДИАСПОРАЛДЫҚ ИНСТИТУТТАРДЫҢ ЭПАТРИАТЦИЯЛЫҚ ҚОНЫС АУДАРҒАН АЗШЫЛЫҚТАР ӨМІРІНДЕГІ РӨЛІ (РЕСЕЙ АРМЯНДАРЫ МЫСАЛЫНДА)

Наталья КОСМАРСКАЯ

*Орталық Азия және Кавказ зерттеулері орталығы, Шығыстану институты,
Ресей Ғылым академиясы, Мәскеу, Ресей*

THE ROLE OF DIASPORIC INSTITUTIONS IN THE LIFE OF EXPATRIATE MINORITIES (THE CASE OF ARMENIANS IN RUSSIA)

Natalya KOSMARSKAYA

*Center for Central Eurasian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

Аңдатпа. Этникалық ұйымдардың басты рөліне негізделген және геноцидтен кейінгі «батыстық» армян диаспорасына, сондай-ақ жаһандық Оңтүстіктен дамыған елдерге қоныс аударған басқа да мигранттар топтарына тән институционализация моделімен салыстырғанда, Армения мен бұрынғы КСРО-ның басқа аймақтарынан Ресейге көшіп келген мигранттар тап болған әлеуметтік-саяси шындық бұл экспатрианттар тобының диаспоралық институттардың қолдауына деген қажеттілігін төмендететін маңызды факторға айналды.

Ресейдің төрт қаласындағы армяндармен жүргізілген жүзден астам сұхбатты талдауға және басқа да қолжетімді материалдарға (сауалнамаларға) негізделген мақалада олардың өз этникалық ұйымдарына деген қызығушылығының төмен болу себептері мен көріністері көрсетілген. Ресей армяндарының басым көпшілігі бұл ұйымдардан алшақ жүреді: олар не армян мектептері мен мәдениет орталықтары ұсынатын «белсенділіктің» сирек тұтынушылары, не бұл жерлерге мүлдем бармайтын, тіпті олардың бар екенін де білмейтін жандар.

Бұл жалпы тұжырым мақалада Ресей армяндарының шыққан жері мен әлеуметтену модельдері бойынша біртекті еместігі

Abstract. Compared to the institutionalization model centered on the key role of ethnic organizations — a model characteristic of the post-genocide "Western" Armenian diaspora and of other migrant groups displaced from the Global

(әрқилылығы) факторын талдауға енгізу арқылы нақтылана түседі. Сонымен қатар, автор мектептер мен үйірмелердің жұмысына деген қызығушылықты сәйкестік (идентичность) деңгейі мен интеграцияның тереңдігі тұрғысынан бағалауға тырысады.

Осылайша, диаспоралық институттардың қызметіне аз тартылған Ресей армяндарының үш тобы бөліп көрсетілген: Ресейде бірнеше ұрпақ бойы тұрып жатқан және ассимиляция жолында айтарлықтай алға кеткен жергілікті армяндар; «мегаполис балалары» – Ресейдің ірі қалаларының көпмәдениетті ортасында туып, әлеуметтенген Армения мигранттарының ұрпақтары; және өздерін армян ретінде сезінуде «өзіне-өзі жеткілікті» деп атауға болатын, Армения мен Қарабақтың әртүрлі аймақтарынан 1980 жылдардың соңы мен 1990 жылдардың басында келген мигранттардың өз ұрпағы.

Мақалада сондай-ақ соңғы топ өкілдерінің қандай жағдайларда жанама түрде (балалар мен жасөспірімдердің ата-аналары мен туыстары ретінде) этникалық ұйымдардың «белсенділік тұтынушыларына» айналатыны көрсетілген.

Түйін сөздер: армян диаспоралары, Ресей армяндары, этникалық ұйымдар, қатысу нысандары, алшақтау себептері.

South to developed countries — the socio-political realities encountered by migrants from Armenia and other parts of the former USSR upon resettling in Russia have been a crucial factor reducing this expatriate group's need for the support of diasporic

institutions.

Drawing on analysis of over one hundred interviews with Armenians in four Russian cities, as well as other available data (surveys), the article demonstrates the reasons for and manifestations of their weak interest in their ethnic organizations. The overwhelming majority of Russian Armenians distance themselves from these institutions, acting either as occasional "consumers of activities" offered by Armenian schools, cultural centers, and similar bodies, or as people who do not attend them at all or are not even aware of their existence.

This general finding is further specified in the article by introducing the factor of heterogeneity among Russian Armenians in terms of their places of origin and socialization patterns. The author also attempts to assess interest in schools and community classes through the lens of identity and depth of integration.

Three groups of Armenians in Russia with low involvement in diasporic institutions are

identified. These are Armenians who have lived here for several generations and have advanced far along the path of assimilation; "children of the metropolis" — adult descendants of migrants from Armenia who were born, socialized and educated in the multicultural environment of big Russian cities; and the generation of migrants themselves, who arrived in the late 1980s and throughout 1990s from various parts of Armenia and Karabakh and can be described as "self-sufficient" in their sense of being Armenian.

The article also shows the circumstances under which members of this last group become indirect "consumers of activities" offered by ethnic organizations — in their capacity as parents and relatives of children and adolescents.

Key words: Armenian diasporas, Armenians in Russia, ethnic organizations, forms of engagement, reasons for estrangement

Введение

Одним из важнейших признаков диаспоры¹ является сохранение, причем на протяжении жизни нескольких поколений, особой этнокультурной идентичности, служащей границей между экспатрированной группой и, как правило, более многочисленным принимающим обществом. Целям поддержания такой идентичности служат разветвленные сети поддержки и диаспоральные организации (политические, культурные, образовательные, религиозные и др.).

Если вспомнить исторические особенности армянского рассеяния, значимость разнообразных институтов для выживания группы на первый взгляд выглядит очевидной. Армянская диаспора, наряду с еврейской, относится к числу «классических» по своему возрасту и, главное, роли насилия в качестве фактора многовекового рассеяния армян по всему миру. Начиная с IV в. н.э. начались постоянные переселения армян, а также деление Армении на Восточную – будущую «родину», и Западную, которая будет ассоциироваться с диаспорой².

¹ Под «диаспорой» здесь имеется в виду не просто проживающая за пределами исторического ареала расселения часть этнической группы (именно в этом нейтральном смысле термин будет использоваться далее в этой статье), а сообщество, обладающее рядом специфических черт, по поводу которых, несмотря на продолжающиеся дискуссии, учеными достигнуто определенное согласие (подр. об основных признаках диаспоры см., напр.: *Brubaker R. Revisiting the «'Diaspora' Diaspora»*. A Response to Clair Alexander // *Ethnic and Racial Studies*, 2017, vol. 40, № 9. P. 1557, 1558; *Alexander C. Beyond the «'Diaspora' Diaspora»: A Response to Rogers Brubaker* // *Ethnic and Racial Studies*, 2017, vol. 40, № 9. P. 1546; *Koinova M. Sending States and Diaspora Positionality in International Relations* // *International Political Sociology*, 2018, vol. 12, № 2. P. 191). Краткий обзор научных дискуссий последних лет о природе диаспоры (в России и на Западе) см. в: *Космарская Н.П. Постсоветские диаспоры: история, политика, идентичность*. М., ИВРАН, 2022. С. 9–21.

² См.: Мелконян Э. Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния)

Особую трагическую роль в жизни армян сыграл геноцид 1915 г. в Османской Турции, жертвами которого стали около полутора миллионов человек. Законодательное оформление итогов Первой мировой войны в виде Лозаннского мирного договора (1923 г.), в котором не содержалось упоминания об армянах и их правах на земли в Западной Армении и Киликии, спровоцировало тотальный исход армян с этих территорий своего давнего исторического проживания.

Именно этот исход и дал рождение основному массиву армянской диаспоры, получившему особое название – спюрк. Слово является эквивалентом греческого слова «диаспора» и несет в себе коннотации изгнания и массового совместно пережитого страдания, память о котором передается из поколения в поколение. Воспоминания о трагедии 1915 г., борьба за международное признание ее в качестве геноцида и за возможность вернуться на историческую родину стали важнейшим маркером идентичности так называемой постгеноцидной диаспоры.

На самосознание этой диаспоры сильное влияние оказало то обстоятельство, что значительные периоды времени она существовала не только в отрыве от государства-родины, но и в условиях отсутствия этого государства как независимого суверенного образования.

С 1918 по 1920 г. на части территории Восточной Армении существовала независимая республика, которая потом на долгие годы стала частью СССР. Диаспора считалась там идеологически чуждым явлением, контакты с ней были сначала запрещены, а позднее хотя и восстановились, но оставались ограниченными, несмотря на несколько волн послевоенной репатриации в Армянскую ССР.

Кроме того, внешнеполитическая деятельность советских властей не учитывала в полной мере интересов армян. Так, в частности, в 1921 г. Советскому Азербайджану был передан Нагорный Карабах. Как заключает Эдуард Мелконян, «...это максимально увеличивало долю ответственности самой диаспоры в деле защиты исторических прав армянского народа в целом, что и предопределило... этнополитическую окрашенность ее жизнедеятельности во все последующие годы»¹.

Описанные особенности существования спюрка получили свое материально-институциональное выражение в воссоздании в странах проживания разветвленной социально-культурной инфраструктуры, необходимой для выживания разных групп армян в изгнании, для сохранения их идентичности и поддержания сплоченности (школы, детские сады, благотворительные организации, СМИ и пр., а также церковно-общинные структуры, альтернативные Св. Эчмиадзину).

Описанная модель институционализации, при которой организации выполняют жизненно важные функции и вовлеченность в них членов экспатриированной группы весьма высока, характерна именно для «западной» части постгеноцидной армянской диаспоры, нашедшей себе приют в Европе, Северной Америке

// Диаспоры, 2000, № 1-2. С. 12; Абрамян Л. Армения и диаспора: расхождение и встреча // Там же. С. 61.

¹ Мелконян Э. Диаспора в системе этнических меньшинств... С. 26. См. также: его же. Республика Армения и диаспора // Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: очерк социально-культурной типологии. Ереван, 2009. С. 157–159.

и на Ближнем Востоке. При этом, при всей специфике армянского рассеяния, данная модель в целом типична и для других групп, оказавшихся вне «родины» в результате различных миграционных перемещений с глобального Юга в развитые страны.

Действительно, по опыту послевоенных иммигрантских меньшинств в Европе, при погружении в совершенно новую и далеко не всегда гостеприимную среду опора на этнические объединения зачастую является жизненно необходимой. Вот как описывает этот процесс один из известных теоретиков диаспоры Габриэль Шеффер: «В течение первоначального периода, когда мигранты... пытаются узнать как можно больше о всех подводных камнях новой, противостоящей им социальной системы, многие из них либо присоединяются к существующим диаспоральным организациям **своей этнической группы**, либо начинают создавать их сами. Взаимоувязанные цели этих усилий – облегчить адаптацию в стране приема и поддерживать контакты с родиной»¹.

Однако западный контекст институционального становления диаспор необходимо отделять от (пост)советского контекста. Если вернуться к российским армянам, часть из них проживает в России на протяжении не одного поколения, а это значит, что их потомки не стоят перед острыми проблемами адаптации к незнакомым условиям. В случаях относительно недавних мигрантов мы также имеем дело с теми, кто попал в результате переселения отнюдь не в чуждую среду – с точки зрения менталитета, культуры, языка, повседневных бытовых практик и пр. Действительно, речь идет о людях, менявших место своего проживания, будь то добровольно или вынужденно, в пределах единого государства или в пределах территорий, бывших недавно одним государством (СССР).

Это не только армяне, но и трудовые мигранты из других постсоветских стран. Собранные российскими учеными материалы (интервью и опросы) об отношении мигрантов к этническим организациям в различных городах показывают плохую осведомленность об их работе и слабый интерес к последней.

Так, например, в Санкт-Петербурге в конце 1990-х гг. большинство азербайджанских мигрантов, торгующих на рынках, «понятия не имели о существовании некой “общины”, точнее, национально-культурных обществ»². По данным более позднего исследования, в Иркутске и Томске лишь около 15-20% мигрантов из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана знали о том, что в городе проживания у них есть «свои» национальные организации (НКО). Эти результаты соответствуют общероссийским, согласно которым «...более 70% мигрантов никогда не слышали об официально зарегистрированных национальных организациях»³.

¹ Sheffer G. The Emergence of New Ethno-National Diasporas // Migration. A European Journal of International Migration and Ethnic Relations, 1995, № 2. P. 19.

² Бредникова О., Паченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспоры, 2001, № 1. С. 137.

³ Дятлов В.И., Нам И.В. Национально-культурные организации в этнической и мигрантской инфраструктуре сибирского города (на примере Томска и Иркутска) // Идеи и идеалы, 2021. Т. 13. № 1. Ч. 2. С. 291.

Исследователи делают вывод, что люди, приехавшие на заработки, живут с НКО «в разных плоскостях»¹.

В условиях, когда мигранты не сталкиваются с острой необходимостью, говоря словами Г. Шеффера, обойти «подводные камни новой, противостоящей им социальной системы», вряд ли можно ожидать от них деятельного интереса к этническим организациям и активного сплочения под знаменами последних.

В какой мере данное предположение относится к российским армянам? Каково их отношение к своим этническим организациям? Поиск ответов на эти вопросы является главной целью статьи. Эмпирической базой нашей работы является массив из более ста полуструктурированных интервью, собранных автором в 2018–2024 гг. в четырех городах России (Москва, Санкт-Петербург, Краснодар и Смоленск).

Нас будут интересовать именно низовые восприятия² в рамках того постсоветского контекста, особенности которого показаны выше – контекста, в целом снижающего потребность экспатрированной группы в поддержке диаспоральных институтов. Однако, учитывая неоднородность российских армян по территориям исхода³ и, отсюда – моделям социализации, а также, естественно, по социально-демографическим критериям и месту проживания, мы попробуем показать и производную от этого вариативность в подходах. Она может касаться оценки организаций, форм и целей участия в их работе, а также тех жизненных задач, ради решения которых туда обращаются.

Теоретико-методологический подход

Говоря о низовых восприятиях, мы имеем в виду в первую очередь большинство, слабо связанное с «организованной армянской жизнью», в отличие от тех, кто в нее погружен – через профессию и/или социальный активизм (волонтерство, работа в НПО, фондах, школах и пр.). В нашу «выборку» попало небольшое число таких людей, которых мы будем называть «производителями активности»⁴ (в сравнении с «потребителями» и «стоящими в стороне», т.е. не посещающими

¹ Там же. С. 297.

² Анализ деятельности самих организаций, истории их становления и развития, отношений между ними, а также с властями принимающего государства и страны-родине не входит в данной статье в нашу задачу.

³ Это автохтоны, проживающие в России на протяжении нескольких поколений, в основном в ее южных регионах (Краснодарский край, Ростовская область и др.); переселенцы из Армении советского времени; беженцы и трудовые мигранты постсоветских лет, родившиеся за пределами России, причем не только в Армении, а также в Грузии, Азербайджане, странах Центральной Азии.

⁴ Информанты такого рода (12 человек) представляют широкий спектр вариантов участия в работе этнических организаций, с разной степенью вовлеченности. Для кого-то из них это является продолжением профессии (главный редактор освещающего жизнь российских армян СМИ; журналист, пишущий в том числе и об армянской культуре; антрополог, изучающий культуру этнических меньшинств; руководитель студии документальных фильмов; филологи, занятые преподаванием армянского языка детям и взрослым). Есть и те, для которых, при наличии занятости в разных сферах или не связанной с армянами профессии, главным делом жизни стала помощь своим соплеменникам (работа в благотворительных и образовательных организациях; создание фонда развития армянской культуры; служение в качестве священника ААЦ).

организации или даже не знающими об их существовании). Однако это произошло не в результате прицельного отбора в самих организациях, а в ходе рутинного поиска информантов через личные контакты и социальные сети.

Данное уточнение важно с теоретико-методологической точки зрения. При общении с коллегами, аспирантами, при рецензировании журнальных статей и пр. не раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда сбор полевого материала при изучении этнических меньшинств начинается с визитов в организацию(и) и ими же и заканчивается. Между тем исследователи экспатрированных групп предлагают рассматривать эти сообщества не как «единые национальные тела, управляемые “начальниками диаспор”»¹, по сути – «... нечто вещественно-материальное..., реальный объект (*entity*)»², а как индивидов, находящихся в подвижной, меняющейся социальной среде. Их чувства, восприятия и оценки (проливающие свет на их идентичность, отношение к «родине», этническим организациям и т.д.) и производные поведенческие модели поэтому также весьма переменчивы.

Учитывая данное обстоятельство, по мнению Роджерса Брубейкера, диаспора в содержательном смысле – это манера самовыражения, стиль (поведения), некая установка индивида, его/её притязание (*an idiom, a stance, a claim*)³. В рамках такого подхода, позиции активистов «диаспоры» нельзя автоматически распространять на обычных людей, пусть даже одинакового этнического происхождения.

Р. Брубейкер конкретизирует это положение на примере армянского рассеяния: «Конечно, среди армян и многих других экспатрированных групп... существует прослойка особо преданных людей (*committed diasporic fraction*). И у них есть очень весомые причины объединять всех армян в рассеянии под рубрикой “диаспоры”. Для них это понятие... является центральным для реализации их жизненных планов. Но почему мы, аналитики, должны использовать это содержательное понятие... для обозначения всех людей армянского происхождения, живущих за пределами Армении? Недостаток такого подхода в том, что уходят в тень различия между активистами диаспоры и большинством, которое не поддерживает диаспорные установки (*diasporic stance*) и не проявляет интереса к диаспорному проекту»⁴.

Далее, в качестве практического совета, ученый предлагает начать с «эмпирического изучения степени и форм поддержки диаспорного проекта [неотъемлемым элементом которого являются этнические организации – Н.К.] среди рядовых членов той или иной экспатрированной группы»⁵. Попробуем реализовать эту методологическую рекомендацию на примере исследования взглядов и поведения российских армян.

¹ Дятлов В.И., Нам И.В. Национально-культурные организации в этнической и мигрантской инфраструктуре... С. 297.

² Brubaker R. The «Diaspora» Diaspora // *Ethnic and Racial Studies*, 2005, vol. 28, № 1. P. 10.

³ Ibid. P. 12, 13. См. также: Тишков В.А. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // *Диаспоры*, 2003, № 2. С. 170.

⁴ Brubaker R. The «Diaspora» Diaspora... P. 12–13.

⁵ Ibid. P. 13.

Основная часть

Немногочисленные публикации российских ученых о становлении институциональной базы разных экспатрированных меньшинств в России, включая армян, основаны на исследованиях 1990-х – первой половины 2000-х гг. Это не удивительно, поскольку речь идет о периоде бурной политизации общественной жизни, развития в стране гражданского активизма на фоне роста интереса к этнической культуре проживающих в России народов и его институционального оформления. Напомним, в частности, что в 1996 г. был принят закон «О национально-культурной автономии», давший новый стимул для самоорганизации этнических меньшинств, начавшейся в конце 1980-х гг.

В работе этнологов из Баку и Батуми, на примере Петербурга, показана трансформация существовавших в советское время неформальных этнических сетей азербайджанцев и грузин в соответствующие организации, активисты которых считали себя представителями многочисленных солидарных «диаспор»¹. Процесс конструирования таких «диаспор», в том числе и усилиями отпускающих государств-родин², рассматривается на фоне социальных потрясений с этнической подоплекой в этих странах в конце 1980-х гг. и в первые годы после распада СССР.

Эти события (исход армян из Азербайджана, грузино-абхазская война и др.) способствовали тому, что развитие национальной культуры и традиций, ставшее основной целью диаспоральных институтов в более поздний период, тогда не было приоритетом: «...этнические активисты быстро политизировались и стремились оказывать помощь “титulyным родинам”, вступавшим в полосу все более глубокого политического кризиса, либо видели в этнических сетях и организациях определенный ресурс, который позволил бы им решать свои собственные проблемы»³.

Во многом похожим путем, как показано в исследовании Елены Чикадзе также на примере Петербурга, развивались этнические организации российских армян⁴. Они были первыми, кто зарегистрировал свою организацию в городе (в 1989 г.), причем движущей силой всех инициатив начального этапа были армяне из Армении, испытывавшие «большую потребность в национальном общении»⁵. И в этом случае мощным фактором мобилизации стали внешние обстоятельства – события в Баку, карабахский конфликт, землетрясение в Армении.

На завершающем этапе строительства организаций все названные авторы отмечают рутинизацию их деятельности и становление их как бюрократических

¹ См.: Румянцев С., Барамидзе Р. Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге: как конструируются «диаспоры» // *Диаспоры*, 2008, № 2 (часть первая); 2009, № 1 (часть вторая).

² Подр. о диаспоральной политике Азербайджана см.: Космарская Н.П. Постсоветские диаспоры: история, политика, идентичность... С.133–148.

³ Румянцев С., Барамидзе Р. Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге... Часть первая. С. 38.

⁴ Чикадзе Е. Армяне Петербурга – от общественного движения к общинным институтам // *Диаспоры*, 2000, № 1–2.

⁵ Там же. С. 197, 199.

структур, отмеченное постепенной сменой состава наиболее активного «ядра». Если на начальном этапе тон задавали интеллектуалы, деятели культуры, позднее руководство организациями перешло в руки бизнесменов, обеспечивавших им необходимую финансовую подпитку в обмен на вознаграждаемый статус общественного и политического деятеля¹.

Процесс становления диаспоральных институтов грузин, армян и азербайджанцев в крупном столичном городе показан исследователями как в целом успешный, несмотря на отмеченные трения между светскими и религиозными организациями; трудности при организации помощи мигрантам, которые воспринимались как «другие армяне» по отношению к местным армянам-петербуржцам; возникновение внутри организаций иерархий по социальному статусу и зарождение привилегированной верхушки². Между тем в небольших городах, в рамках узкого социального пространства, трения между обеспеченными старожилами и нуждающимися мигрантами, являющимися к тому же выходцами из очень разных регионов, привели к неудачам в создании армянских организаций локального уровня³.

В представленных здесь работах, посвященных истории диаспоральных институтов в первые постсоветские десятилетия, мало сведений об отношении к ним массы рядовых, не включенных в орбиту их деятельности грузин, азербайджанцев и армян. Материалы об армянах, собранные в более поздний период разными методами, свидетельствуют, что таких людей подавляющее большинство.

Обратимся сначала к результатам количественного исследования – речь идет о двухэтапном опросе армян Ростовской области. В 2011 г. он показал слабые знания респондентов о деятельности армянских организаций и низкий уровень вовлеченности в их работу. Так, хорошую осведомленность показали всего 13,6% опрошенных (в городах – 9,5%); 56,8 выбрали опцию «что-то слышал», 29,6 – «ничего не знаю», а 4,5% затруднились с ответом. О регулярном или редком участии в работе организаций заявили, соответственно, 1,2 и 9,9% опрошенных (в городах – 0 и 4,8%), а опцию «нет, не участвую») предпочли 88,9% (95,2% в городах)⁴.

Опрос 2018 г. показал несколько изменившуюся картину. Уровень информированности об имеющихся в области армянских организациях вырос до примерно 40%, но степень вовлеченности в их работу оставалась низкой (какие-либо контакты с ними имелись лишь у каждого десятого респондента)⁵. По мнению

¹ Румянцев С., Барамидзе Р. Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге... Часть вторая. С. 15; Чикадзе Е. Армяне Петербурга... С. 209.

² Чикадзе Е. Армяне Петербурга... С. 209, 210; Румянцев С., Барамидзе Р. Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге... Часть первая. С. 34; часть вторая. С. 26.

³ Таковы результаты исследования, проведенного Евгением Фирсовым в небольших городах Адыгеи и Ленинградской области (Фирсов Е.Ю. Инварианты армянской диаспоры в российской провинции // Журнал социологии и социальной антропологии, 2002, № 2).

⁴ Армянская община на Дону: интеграция и сохранение этнокультурной идентичности. Отв. ред. А.В. Бедрик. Ростов-на-Дону, Таганрог, изд-во ЮФУ, 2022. С. 124, 125.

⁵ Там же. С. 127.

организаторов опросов, эти данные говорят о том, что «для большинства участников исследования деятельность общины не была частью повседневных социальных практик»¹.

Некоторые выводы можно сделать и на основе свидетельств наших информантов. Посмотрим на ситуацию в Краснодаре, где «организованная армянская жизнь» действительно, как отметила одна из собеседниц, выглядит «цветущей». Усилиями местных бизнесменов-меценатов в последние годы (вос)созданы два крупных культурных комплекса, включающих храмы, школы дополнительного образования для детей всех возрастов, ансамбли национального танца, курсы армянского языка для взрослых и пр.

По рассказу информантки (1964 г. рожд., специалист по армянскому языку и литературе, родилась в Карабахе, приехала в Россию в 1998 г. из Еревана), которая стояла у истоков создания системы обучения местных армян (взрослых и детей) литературному языку, с 2007 г., когда она начала преподавание, через ее классы прошло около 600-700 человек. Несложные подсчеты показывают, что каждый год в среднем обучалось примерно 40-50 человек, причем, если курс рассчитан на четыре года, к его середине-концу около 30% обучающихся сходят с дистанции. Конечно, информантка давно не является единственным преподавателем армянского языка в Краснодаре; в обоих центрах работают несколько учителей со своей аудиторией. Плюс к этому, по ее словам, Союз армян России (САР), отделение которого уже более 20 лет функционирует в городе, также основал там небольшую школу в 2020 г. Но все же на фоне десятков тысяч проживающих в Краснодаре армян² масштабы их вовлеченности в предлагаемую организациями культурно-познавательную деятельность не выглядят значительными.

Далее в этой статье, на основе имеющихся у нас материалов, мы попробуем высказать предположения о том, какие группы российских армян являются наиболее вероятными «потребителями активности», хотя бы потенциально, а какие не проявляют интереса к деятельности диаспоральных институтов, а также пролить свет на причины такой позиции.

Сергей Румянцев и Руслан Барамидзе, задавшись вопросом о том, какие группы проживающих в Петербурге грузин и азербайджанцев не выражали интереса к своим этническим организациям, высказали мнение, что это недавние трудовые мигранты, «занятые ежедневной работой с утра до вечера», слабо интегрированные в российское общество и рассматривающие свое пребывание в стране как временное³. В данном случае явно прослеживаются аналогии с современными трудовыми мигрантами из Центральной Азии в России, по крайней мере с теми, кто приезжает прицельно на заработки⁴. Однако вряд ли этот вывод приложим к современным российским армянам, из которых далеко не все являются

¹ Там же.

² По оценкам краснодарских экспертов, их примерно 45-48 тыс. человек.

³ Румянцев С., Барамидзе Р. Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге... Часть вторая. С. 29.

⁴ См. приведенные выше результаты недавнего исследования В. Дятлова и И. Нам в городах Сибири.

мигрантами, а таковые начали массово переезжать в Россию гораздо раньше, чем таджики, узбеки и киргизы; в большинстве своем стали ее гражданами и адаптировались к новым условиям.

Еще одной «пассивной» группой названные исследователи считали тех грузин и азербайджанцев, «которые родились и социализировались в Петербурге и не претендуют на равноправное вхождение в общее азербайджанское или грузинское коммуникационное пространство – в силу того, что не владеют государственными языками и заметно отличаются поведенческими стереотипами»¹.

Если развить тезис о связи интереса к «организованной жизни» со степенью интеграции и состоянием идентичности, то в приложении к российским армянам ситуация выглядит сложнее из-за их более ярко выраженной неоднородности по местам выхода и моделям социализации.

Сразу нужно вспомнить армян-старожилов, проживающих на территории России в течение двух-трех поколений, в некоторых регионах компактно. Мирощущение таких людей, попавших в том числе и в нашу «выборку», красочно описано в интервью с родившимся в Краснодаре информантом, тоже принадлежащим к данной группе. Назовем его Артур (имя вымышленное).

В качестве «производителя активности» (издание и распространение журнала, съемка документальных фильмов), которым он стал в продолжение своей профессиональной деятельности, Артур мог наблюдать поведенческие стратегии и мотивации армян в разных частях Краснодарского края, в том числе и касающиеся их отношений с организациями.

Приведем довольно пространную цитату из интервью, которая, на наш взгляд, почти не нуждается в комментариях:

Инф. У меня есть несколько близких друзей с армянскими фамилиями, с которыми я вместе учился в школе, в институте. История абсолютно одинаковая. Допустим, у меня есть два товарища, из Краснодара. Мы с ними дожили до седины. У одного папа женился на русской, у второго была полноценная армянская семья, оба они женились на русских девушках, по любви, по молодости.

Инт. Это ваши ровесники?

Инф. Да. Если проследить исторически пути появления, опять Карс появляется, как у меня; второй корнями из Азербайджана. Если человек, у которого была семья полноценная армянская, то он язык знает, может, на бытовом уровне, а второй товарищ, у которого мама русская – все, язык уже потерял. Но и в первом, и во втором случае дети их абсолютно вне армянской культуры.

Инт. То есть русские в широком смысле. По культуре?

Инф. Абсолютно. По культуре, по менталитету... И я думаю, что таких семей и таких историй у нас в Краснодаре огромное количество, поскольку все, кто приехал в Краснодар – это в основном беженцы, в основном это 1915, 1918 год, это уже коренное население Краснодара, тут уже два-три поколения, и они все язык потеряли, конечно. И то, что сейчас происходит, изучение армянского

¹ Румянцев С., Барамидзе Р. Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге... Часть вторая. С. 30–31.

языка, мы уже отрезанный ломоть, наши дети, наши внуки – для Армении, для армянства.

Инт. А ваш внук?

Инф. Есть внук. Он вообще к армянскому миру не имеет никакого отношения, хотя фамилия у него армянская.

Инт. Но теоретически, не ваша конкретная семья, а кто-то возьмет внука и отведет его в какой-то замечательный культурный центр в Краснодаре?

Инф. Никто это не сделал, ни один мой товарищ, у которых есть внуки.

Инт. А почему?

Инф. Потому что это не нужно уже. И те дети, которые ходят сейчас в эти культурные центры, где им дают армянский язык, культуру – это как раз потомки тех следующих волн современных, которые более все-таки напитаны. Позднесоветские и постсоветские, Карабах, Армения, землетрясение и т.д. Вот их дети – да, это все живо, они хотят себя ощущать армянами».

Развивая далее тему интеграции армян-старожилов, ее проявлений и последствий, информант вспомнил о своем неудачном опыте распространения среди армян края журнала, посвященного армянской истории и культуре:

«Инф. Когда я этим занимался, ездил и вообще общался, я понял, что там, где армян много, а в основном это побережье, и живут они там замечательно, во втором-третьем-четвертом поколении, фамилии их армянские, вся их идентичность заканчивается в ресторане, что-то станцевать, но даже спеть они уже не могут на армянском языке. Языка нет, фамилии остались, и зачем им это все нужно? Культура армян? Это все разговоры... Там, где целые улицы живут одни армяне – Анапа, Геленджик, вокруг Анапы есть населенные пункты моноармянские. На уровне сел. В селах они разговаривают по-армянски. А в Анапе, в Адлере целые улицы, и никто этот журнал не подписывал, никто не хотел его читать, никому это не нужно было, ни история армян...

Инт. Вы это как оцениваете?

Инф. Как данность, никак не оцениваю. Они приехали сюда, остались живы, выжили, и пошли поколения, и процесс ассимиляции неизбежен. Если ты так уж хочешь себя чувствовать армянином почему-то, тогда надо уезжать туда, забирать своих детей и жить там.

Инт. А с помощью всех созданных культурных центров, церкви?

Инф. В Краснодаре столько армян живет, а в школу ходит условно сто каждое воскресенье. Какое это имеет значение? Давайте еще раз посчитаем, кто приходит, сколько человек приходит; если связывать это с какими-то социальными процессами или явлениями, то это не имеет значения...» (мужчина, 1953 г. рожд., филолог).

Еще одной группой, потенциально слабо связанной с организациями, является молодежь, родившаяся в крупных городах России после распада СССР. Имеются в виду не взрослые дети армян-старожилов, о которых рассказывал информант из Краснодара, воспитанные уже сильно обрусевшими родителями, и не дети армян, например, из Грузии, считающих себя армянами, но особыми.

Речь идет о взрослых детях мигрантов из Армении, приехавших в РСФСР/Россию в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на учебу, работу или в качестве беженцев. Их родители поддерживают тесные связи с родиной и в наибольшей степени, особенно в случае выезда не из Еревана, а из «глубинки», воплощают собой «традиционные жизненные стили»¹.

Дети же, хотя и выросли в общении с многочисленными армяноговорящими родственниками, обладают своеобразной «номинальной» идентичностью людей, быстродвигающихся по пути интеграции. Пройдя социализацию в поликультурной среде мегаполисов, получив там высшее образование, они понимают и признают, что являются «армянами по крови», но при этом не могут принять многие составляющие этого стиля как «свои», а их образ мышления, жизненные устремления и поведение весьма далеки от армянства. Равнодушие к этническим организациям является лишь одним из многих проявлений свойственно этому типу армян мироощущения.

Информанты этой группы обычно кратко отвечали на вопрос об организациях: «нет, не посещаю»; «что-то слышала(а), больше ничего не знаю». Ниже представлена более показательная цитата из интервью с молодой женщиной, родившейся в Петербурге в 1994 г. Ее родители переехали туда из небольшого города в Сюникской области Армении, на границе с Азербайджаном (отец в конце 1980-х гг., мать – в начале 1990-х гг.). Диалог информантки и интервьюера² показывает взаимное удивление участников и содержанием вопросов, и следующих за ними ответов:

«Инт. Знаешь ли ты, какие армянские организации существуют в России и в твоём городе?»

Инф. (задумалась). Знаю, что есть армянская церковь; знаю, что есть объединение студентов армянское – на этом мои познания заканчиваются.

Инт. То есть я так поняла, что ты не участвуешь нигде?

Инф. Нет.

Инт. Никак?

Инф. Нет.

Инт. А ты слышала когда-нибудь про Союз Армян России? САР?

Инф. Нет.

Инт. Не слышала? (удивленно)

Инф. Нет.

Инт. Не слышала про САР? (очень удивленно)

Инф. Нет» (женщина, обр. высшее, специалист в сфере экономики туризма; СПб).

Наконец, как показывают наши материалы, организации как средство сохранения и укрепления идентичности мало интересуют людей, которых мы бы назвали самодостаточными в ощущении себя армянами, а потому они не нуж-

¹ Выражение исследовательницы из Польши Каролины Павловской, описывающее ценностные основы идентичности армян из Армении (см. Pawlowska K. Ethnic Return of Armenian Americans: Perspectives // Anthropological Notebooks, 2017, vol. 23, № 1).

² Интервью проводилось Ноной Шахназарян.

даются в дополнительной «общинной» поддержке. В основном это выходцы из Армении и Карабаха, составившие основу массовых миграций в Россию конца 1980-х гг. и 1990-х гг., а также более поздних переселений. Независимо от того, получили они среднее образование на родном или русском языке и на каком языке общались в их родительской семье, эти люди выросли в армяноязычной культурной среде; уже в России вокруг них постепенно сформировались сети родственного/дружеского общения, а также поддерживаются связи с теми, кто остался на родине. При всех возможных различиях между ними в возрасте, социальном статусе, степени интеграции в российское общество, а также в характере брака (межэтнические союзы – нередкое явление для мужчин), они остаются теми, кого информант из Краснодара назвал «напитанными» армянами.

Вот, например, свидетельство человека, родившегося в Ереване и приехавшего в Россию в 1996 г.:

«Инт. Тут в какой-то армянской жизни организованной вы участвуете?»

Инф. Не участвую. Участвую в общении со своим старым приятелем Рубеном, он ко мне в гости приезжает, не теряю связи, готов всегда ему помочь, поскольку он мой соотечественник. Я никогда не отрицаю, что я армянин» (мужчина, 1973 г. рожд., обр. неполное высшее, продавец в супермаркете; СПб).

Информант более старшего возраста, родившийся в Ереване, проживающий в России постоянно с 1994 г. и имеющий здесь много родственников, воспринял вопрос о посещении армянских организаций с большим скепсисом:

«Инф. Я лучше свое свободное время отдам внукам, это более рациональное использование свободного времени, чтобы где-то сидеть и языком работать.

Инт. Но у вас есть какое-то мнение, они что-то полезное делают?»

Инф. Я не знаю. Если я туда не лезу, я ничего не знаю» (мужчина, 1954 г. рожд., обр. среднее, продавец на оптовой базе; СПб).

Информантка из семьи, по ее словам, «ориентированной на традиции», из небольшого города в Армении, приехала в Россию к ранее уехавшим родителям для учебы в аспирантуре (в 2005 г., в возрасте 22 лет). Она ответила на вопрос интервьюера с профессиональной прямотой:

«Инт. Вас российские организации армян интересуют? Здесь же филиалы САР всюду.

Инф. Я вам отвечу как социолог. Для поддержания моей идентичности они мне не нужны. Для этого семья играет роль» (женщина, 1983 г. рожд., преподаватель вуза; СПб).

Реакция на вопросы об организациях – с часто повторяющимся словом «нет», у «самодостаточных» армян и интегрированной молодежи в крупных городах практически идентична, несмотря на разительные различия между ними. Приведем цитату из интервью с молодой женщиной, родившейся в селе на берегу оз. Севан, где она начала учиться в армянской школе, которую ранее закончили ее родители, а когда семья переехала в Волгоград, она была вынуждена из-за за-

держки с освоением русского языка продолжать обучение в классах на два года ниже ее возрастной нормы. Мы встретились в Москве, где женщина постоянно живет с 2021 г.:

«Инт. Какие-то армянские организации, где люди собираются, танцуют, общаются, вы туда ходите?»

Инф. Нет. Я знаю, что таких много, но я нигде... Я слышала, что они есть, но я нигде не участвую. Времени, наверное, нет, и семья важнее... Нет какой-то такой потребности или какого-то такого желания, я не знаю. Запроса такого еще не было.

Инт. А какие-то названия этих организаций знаете?

Инф. Нет, не могу даже вспомнить. Клиентки что-то называли...» (женщина, 1992 г. рожд., обр. среднее, мастер маникюра; МСК).

Две молодые женщины из Петербурга и Москвы, идентичные высказывания которых мы привели, по возрасту почти ровесницы, но с точки зрения интереса ко всему «армянскому» и самоощущений (в этнокультурном смысле) – очень разные. Одна уроженка Петербурга, с высшим гуманитарным образованием, выросла в русскоязычной среде и тяготится теми проявлениями «армянского», которые навязывают отец и родственники из небольшого города в Армении. Другая прошла начальную социализацию в родовом селе у оз. Севан, в окружении многочисленных родственников; очень привязана к проживающей с 1999 г. в Волгограде семье, где общаются по-армянски; не имеет высшего образования. При этом обе, хотя и по разным причинам, не нуждаются во внешних импульсах, помогающих их этнокультурному самоопределению.

Важным моментом является то, что у второй молодой женщины нет детей. Дело в том, что армяне, которых мы назвали «самодостаточными», являются «потребителями активности» этнических организаций главным образом опосредованно, в двух особых случаях (имеются в виду определенные демографические группы).

Во-первых, это родители детей того возраста (от примерно 4-5 лет и до подростков), для которых существует развитая система внешкольного обучения армянскому языку, элементам армянской культуры, песням, танцам, игре на национальных музыкальных инструментах и пр. Собственно, об этом на примере Краснодара говорил информант по имени Артур, занимающийся издательской деятельностью. Наши наблюдения в различных организациях¹ и общение с их активистами подтверждают эту мысль. Работа с детьми «самодостаточных» армян является, судя по всему, наиболее распространенной формой участия существующих организаций в сохранении идентичности и поддержании интереса к родной культуре у российских армян.

Однако, оценивая масштабы и результативность этой деятельности, необходимо учитывать разнообразные «но» и «если». В частности, это приоритетные

¹ Школа «Армат» при Культурно-образовательном центре «Варданий» (Краснодар)); Фонд поддержки армянского наследия «Hayordik», одна из главных целей которого – поддержка армянской национальной культуры и пропаганда ее среди детей и молодежи (Москва).

задачи родителей. О желании армян в Краснодарском крае обучать детей в первую очередь английскому языку упомянул информант, занимающийся изданием журнала об армянской культуре. Авторы книги о донских армянах, суммируя мнения респондентов о деятельности местных этнических организаций, отметили, что участники опросов «в большей степени заинтересованы в комплексной социокультурной интеграции своих детей, возможности получения ими качественного образования, позволяющего не дистанцироваться от российского социума»¹.

Кроме того, не всех устраивают условия предоставления образовательных услуг; дети могут остаться «неохваченными» по бытовым причинам. Например, информант, приехавший в Москву в 2012 г. из Еревана; музыкант, создающий композиции на темы, связанные с историей и культурой армян, отрицательно ответил на вопрос о планах отвести своего пятилетнего сына в воскресную армянскую школу: *«Может быть, потом, но сейчас нет. Мы в свое время уже столько наездили, сейчас уже не хотим особо удаляться. От дома надо возить, час туда, час обратно»* (мужчина, 1988 г. рожд., обр. высшее, МСК).

Наконец, если поставить вопрос о реальной эффективности сохранения и развития армянской идентичности подрастающего поколения через воскресные школы, кружки и курсы, ответ не внушает оптимизм. Организации вряд ли могут конкурировать с вкладом семьи, причем даже в этом случае усилия последней должны быть очень мощными. По словам большой энтузиастки своего дела, руководителя Фонда «Hayordik» (Москва), в различных кружках которого дети разных возрастов занимаются армянскими танцами, учат язык, она не отказывается в приеме русскоязычным детям, но выдвигает родителям встречное условие: *«Они приводят, мама армянка говорит на русском и хочет, чтобы мы ребенка научили армянскому. Надо с тебя начинать. Ты сама с ним или с ней разговаривай на армянском!»*.

Второй функцией, которую выполняют организации для потомков «самодостаточных» армян, является предоставление площадок для знакомства и общения подростков и молодежи, с целью поиска (будущих) брачных партнеров. Такими площадками выступают школы танцев, фестивали армянской культуры, а также встречи под патронажем ААЦ.

Этнограф из Краснодара, работавшая в одной из армянских организаций в качестве редактора журнала, рассказывая об этом периоде своей жизни, отметила эту «брачную» специализацию: *«Да, нужно идти в эту школу, чтобы искать людей по интересам, создавать семьи. И действительно так и получается, что молодые люди там общаются, если они нацелены на поиск брачных партнеров»* (женщина, 1989 г. рожд.).

Более прагматично, с учетом собственного возраста, оценила ситуацию социолог из Петербурга, которая отвергла предположение о том, что организации могут помочь в поддержке идентичности армян, которых мы называли «самодостаточными» (см. выше):

¹ Армянская община на Дону: интеграция и сохранение этнокультурной идентичности... С. 143.

«Инф. Это определенные структуры, которые позволяют молодежи встречаться под единой крышей, создают социальную, культурную среду для того, чтобы они решили брачный вопрос. Исключительно такую роль играет... Танцы и всё-всё. Это такая среда, которая позволяет армянам найти друг друга. Я приехала в 22 года, это не моя возрастная когорта, там уже нечего делать. А когда дети со школы, до какого-то университетского возраста, им это интересно.

Инт. Как я поняла, то, что могут дать эти организации, вас не очень интересует?

Инф. Они мне ничего не могут дать» (женщина, 1983 г. рожд., преподаватель вуза; СПб).

У армян, не относящихся к рассматриваемой группе «самодостаточных», собственные наблюдения или подозрения, касающиеся возможного использования, например, церковных пространств или религиозных мероприятий как площадок для знакомств и общения молодежи, вызывают реакцию отторжения.

Москвичка, родившаяся в Баку и привезенная в раннем детстве в Краснодар, при обсуждении ее религиозных предпочтений сказала, что является неверующей, а к посещению армянских храмов относится «нейтрально»:

«Инф. Просто я быстро увидела и поняла, что в контексте армянской церкви в Краснодаре – это какие-то **смотрящие**. Кто пришел, мальчики на девочек смотрят, девочки на мальчиков.

Инт. Клуб знакомств?

Инф. Смотрят друг на друга, типа, кто? Что? Мне это так бросалось в глаза. Ну, в общем, я не могла к этому нормально относиться...» (женщина, 1986 г. рожд., не замужем; экономист; МСК).

В представлении молодой женщины, родившейся в Ростове и переехавшей в Петербург после поступления в вуз, посещение армянской церкви неотделимо от завязывания знакомств среди армян, в чем она совершенно не нуждается:

«Инт. Ну вот в церковь ходите?

Инф. Нет, не хожу.

Инт. Принципиально или далеко?

Инф. Не вызывает желания... Для чего? Я в Ростове в церковь не ходила. Почему я здесь должна ходить в церковь? Чтобы завести какие-то знакомства? Нет. Я себе смутно представляю это» (женщина, 1993 г. рожд., замужем, детей нет; экономист; СПб)

Очертив основные функции армянских организаций, связанные с приобщением к армянскому языку и культуре детей и созданием пространств для общения молодежи, зададимся теперь вопросом: а являются ли какие-то категории взрослых армян сами «потребителями активности», независимо от наличия детей и внуков?

Если обратиться к нашим материалам, интерес к «организованной армянской жизни» проявляют некоторые потомки смешанных браков, в сознании которых,

в силу личных или социальных причин, произошел сдвиг в сторону армянского полюса идентичности¹. Они приходят в организации в поисках новых друзей, новых знаний, изучают язык, а потом и сами становятся волонтерами, участвуют в благотворительности и пр. У таких людей, с энтузиазмом погружающихся в армянскую культуру, равнодушные «полноценных», по их выражению, армян вызывает искреннее удивление:

«У меня как-то раз был случай, я с одной девушкой пересекался по взаимным проектам, она не член нашей общины, просто она живет в городе, и она мне сказала, зачем ты вообще этим интересуешься, у тебя же папа русский, ты же не совсем армянин, вот даже я армянка, и то мне это неинтересно. Я говорю, я не могу это объяснить, у меня это само по себе происходит, это от души происходит» (мужчина, 1992 г. рожд., режиссер; Краснодар).

В интервью упоминались и спорадические проявления интереса, в виде посещения выставок, спектаклей, концертов, фестивалей с участием местных или приезжих деятелей армянской культуры. Организация таких мероприятий – одна из важных функций этнических организаций, включая и религиозные.

Некоторые наши информанты упоминали о том, что иногда ходят на концерты; кто-то был доволен увиденным, а кто-то разочарован. Впрочем, это естественно, поскольку «о вкусах не спорят». Однако мнения могут зависеть и от социально-культурных различий. Для информантов, относящихся к городской интеллигенции, главным критерием становится не этническое наполнение, а профессиональный уровень предлагаемых организациями досуговых вариантов, а также состав зрительской аудитории:

- *«Мы ходили пару раз, нам не понравилось именно потому, что мы на поп ходили. И люди, которые ходят на поп-музыку... когда выходишь оттуда, ты выходишь с чувством разочарования в своей нации, от людей, которые пришли на это выступление» (женщина, 1987 г. рожд., юрист; МСК);*

- *«Не всё отслеживаю. У меня нет... тотальной информированности и интереса к любым проявлениям культуры с армянской фамилией. Мало того, я не считаю, что армянская фамилия является гарантом качества, это вовсе не так» (мужчина, 1982 г. рожд., художник; СПб).*

Информанты также скептически высказывались о самой организации выставок, концертов и пр. – о полупустых залах из-за неэффективной рекламы, неудачном выборе репертуара, не отвечающего культурным запросам жителей крупных городов. Данный аспект затрагивался наряду с иными звучащими во многих интервью критическими замечаниями в адрес работающих в России армянских диаспоральных институтов, что и стало причиной нежелания иметь с ними дело.

Эта критика у разных людей покоилась на личном опыте взаимодействия с активистами/руководством той или иной организации и/или информированно-

¹ Подр. см., напр.: Идентичность потомков русско-армянских смешанных браков в крупных городах России // Антропология и этнология: современный взгляд. Отв. ред. А.В. Головин, Э.-Б. М. Гучинова. Сб. к 80-летию В.А. Тишкова. М.: Политическая энциклопедия, 2021.

сти о ее работе, а также, независимо от армянского контекста, была связана с недоверием к инициативам любых официальных структур и связанных с их деятельностью чиновников и олигархов.

О конкретных организациях в критическом духе высказывались в основном информанты, связанные с ними в силу профессии или те, которых мы называли «производителями активности»¹:

- *«Это такая родовая черта многих армянских объединений, их аффилированность с тем или иным бизнесменом, то есть, грубо говоря, кто-то с кем-то поссорился, и создается в пику альтернативное объединение»* (мужчина, 1974 г. рожд., политолог; МСК);

- *«Я не принимала во всем этом участие, потому что это олигархические структуры, именно в том плане, что есть какая-то верхушка, они все от кого-то кормятся, поэтому там нет всеобщей справедливости»* (женщина, 1983 г. рожд., преподаватель вуза; СПб).

Говорилось о распрях между организациями; о стремлении некоторых лидеров проводить шумные пиар-акции, не связанные с армянами; о зависимости результатов работы от «причуд богатеев» (при потере спонсором интереса к проекту финансирование прекращается). О конкретной помощи обычным людям говорилось мало; один из информантов высказался на эту тему весьма пессимистично: *«Рядовому армянину особо некуда пойти, будет решать вопросы собственными силами, используя социальные сети»* (мужчина, 1974 г. рожд., политолог; МСК).

Некоторые информанты подчеркивали, что могли бы помогать нуждающимся через организации, если была бы уверенность в использовании этих средств по назначению:

- *«У меня есть желание помочь, но очень много разговаривается. Если бы я знала какую-то организацию... допустим, ты отправил 20 тысяч рублей на помощь детям, купить одежду, и они действительно потратили эти 20 тысяч на детей, тогда мне не жалко. А то, что по карманам расхищали и бедным детям не купили, это уже жалко»* (женщина, 1989 г. рожд., риэлтор; МСК);

- *«Денег не даю принципиально, потому что понимаю... Лучшие прийти, спросить, что вам надо, и принести это. Но это мое личное хотение. А так с армянскими организациями я особо не знаком, связей каких-то не поддерживаю»* (мужчина, 1984 г. рожд., владелец сети кафе; СПб).

Мнения, в которых выражено критическое отношение к конкретным организациям и/или принципиальное нежелание иметь дело с «олигархическими структурами», не связаны с идентичностью, демографическим статусом или спецификой интеграции различных групп проживающих в России армян. Эти два

¹ Для баланса мнений отметим, что в интервью таких информантов содержались и позитивные оценки – речь шла о работе конкретных организаций, в первую очередь культурной направленности; назывались также имена крупных бизнесменов, строящих храмы, издающих просветительскую литературу, много делающих для образования детей в своих регионах.

момента, проясняющие их отношение к диаспоральным институтам, дополняют друг друга. Ранее в этой статье речь шла о коллизиях жизненного пути людей, составляющих потенциальную или реальную аудиторию для армянских организаций, а негативные мнения отталкиваются от особенностей последних и того социально-политического контекста, в рамках которого они функционируют.

Заключение

Те социально-политические реалии, с которыми столкнулись многочисленные добровольные и вынужденные мигранты из Армении и других территорий б. СССР при переселении в Россию, коренным образом отличаются от условий, в которых оказывались мигранты и беженцы из государств глобального Юга, стремящиеся осесть в развитых странах. Эти различия во многом определили перспективы институционального становления армянской диаспоры в России и стали важнейшим фактором, снижающим потребность этой экспатрированной группы в поддержке диаспоральных институтов, будь то облегчение тягот адаптации для недавних мигрантов или сохранение идентичности у давно живущих. Данный вывод относится не только к армянам, но, как показывают исследования, к другим группам постсоветских мигрантов – из Грузии, Азербайджана, Центральной Азии.

Как свидетельствуют доступные нам материалы, в том числе опросы, подавляющее большинство российских армян дистанцируются от «организованной армянской жизни», являясь либо спорадическими «потребителями активности», предлагаемой армянскими школами, кружками, культурными центрами и пр., либо теми, кого можно назвать «стоящими в стороне», т.е. не посещающими организации или даже не знающими об их существовании.

Этот общий вывод можно конкретизировать, если ввести в анализ фактор неоднородности российских армян по местам выхода и моделям социализации, а также оценить интерес к работе этнических организаций сквозь призму состояния идентичности и глубины интеграции.

Выделяются три группы российских армян, слабо вовлеченных в деятельность диаспоральных институтов. Во-первых, это армяне-старожилы, живущие в России на протяжении нескольких поколений и далеко продвинувшиеся по пути ассимиляции. Во-вторых, «дети мегаполисов» – потомки мигрантов из Армении, родившиеся, прошедшие социализацию и получившие высшее образование в поликультурной среде крупных городов. Не отрицая своей принадлежности к армянству, они, тем не менее, отвергают многие проявления сформировавшейся на родине родителей «армянской традиции», а в их идентичности сильны локальные/гражданские составляющие.

Наконец, это поколение самих мигрантов конца 1980-х – начала 1990-х гг. из разных частей Армении и Карабаха, которых можно назвать «самодостаточными» (по словам одного из информантов – «напитанными») в ощущении себя армянами. Две последние категории, представляя собой поколения «отцов и детей», не нуждаются, хотя и по разным причинам, во внешних импульсах для поддержания своей этнокультурной идентичности.

Сделаем, однако, важное уточнение. Армяне, которых мы называли «самодостаточными», являются «потребителями активности» этнических организаций опосредованно, в двух особых случаях.

Это, во-первых, родственники/родители детей того возраста (от дошкольников до подростков), для которых создана система внешкольного обучения армянскому языку и элементам армянской культуры. Работа с детьми и внуками «самодостаточных» армян, заинтересованных в передаче своего наследия следующим поколениям, является, судя по всему, наиболее распространенной формой участия этнических организаций в поддержании интереса к родной культуре у российских армян.

Второй функцией, которую выполняют организации для потомков «самодостаточных» армян, является предоставление площадок для знакомства и общения подростков и молодежи, с целью поиска (будущих) брачных партнеров.

Наши интервью, в качестве направления дальнейших исследований, зафиксировали также разнонаправленность двух вариантов коммуникации российских армян – отстраненность от официальных структур сочетается с ориентацией на личные дружеские и профессиональные сети поддержки (в дополнение к семейно-родственным).

Финансирование

Статья основана на результатах исследования, проведенного в рамках научного проекта «Armenian Communities in Russia Through Time, Space, and Generations», поддержанного Фондом Галуста Гюльбенкяна (2018-2021).

Список литературы

1. Абрамян Л. Армения и диаспора: расхождение и встреча // *Диаспоры*. — 2000. — № 1–2. — С. 61.
2. Армянская община на Дону: интеграция и сохранение этнокультурной идентичности : [монография] / отв. ред. А. В. Бедрик ; Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2022. — 188 с.
3. Бредникова О., Паченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // *Диаспоры*. — 2001. — № 1. — С. 137.
4. Дятлов В. И., Мелконян Э. Л. Армянская диаспора: очерк социально-культурной типологии. — Ереван : Ин-т Кавказа, 2009. — 207 с.
5. Дятлов В. И., Нам И. В. Национально-культурные организации в этнической и мигрантской инфраструктуре сибирского города (на примере Томска и Иркутска) // *Идеи и идеалы*. — 2021. — Т. 13, № 1, ч. 2. — С. 291–297.
6. Идентичность потомков русско-армянских смешанных браков в крупных городах России // *Антропология и этнология: современный взгляд* / отв. ред. А. В. Головнёв, Э.-Б. М. Гучинова. — Москва : Политическая энциклопедия, 2021. — С. 364–378.
7. Космарская Н. П. Постсоветские диаспоры: история, политика, идентичность. — Москва : ИВ РАН, 2022. — 424 с.
8. Мелконян Э. Л. Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) // *Диаспоры*. — 2000. — № 1–2. — С. 12, 26, 330.
9. Румянцев С., Барамидзе Р. Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге: как конструируются «диаспоры» // *Диаспоры*. — 2008. — № 2 ; 2009. — № 1.

10. Тишков В. А. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // *Диаспоры*. — 2003. — № 2. — С. 160–183.
11. Фирсов Е. Ю. Инварианты армянской диаспоры в российской провинции // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2002. — № 2.
12. Чикадзе Е. Армяне Петербурга — от общественного движения к общинным институтам // *Диаспоры*. — 2000. — № 1–2. — С. 197–210.
13. Alexander C. Beyond the «'Diaspora' Diaspora»: A Response to Rogers Brubaker // *Ethnic and Racial Studies*. — 2017. — Vol. 40, № 9. — P. 1544–1555.
14. Brubaker R. Revising the «'Diaspora' Diaspora». A Response to Clair Alexander // *Ethnic and Racial Studies*. — 2017. — Vol. 40, № 9. — P. 1556–1561.
15. Brubaker R. The «Diaspora» Diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. — 2005. — Vol. 28, № 1. — P. 1–19.
16. Koinova M. Sending States and Diaspora Positionality in International Relations // *International Political Sociology*. — 2018. — Vol. 12, № 2. — P. 190–210.
17. Pawlowska K. Ethnic Return of Armenian Americans: Perspectives // *Anthropological Notebooks*. — 2017. — Vol. 23, № 1. — P. 115–124.
18. Sheffer G. The Emergence of New Ethno-National Diasporas // *Migration. A European Journal of International Migration and Ethnic Relations*. — 1995. — № 2. — P. 5–28.

Transliteration

1. Abramyan, L. (2000). Armeniya i diaspora: raskhozhdenie i vstrecha [Armenia and the Diaspora: divergence and encounter]. *Diaspory*, (1–2), 61. (In Russian).
2. Bedrik, A. V. (Ed.). (2022). *Armyanskaya obshchina na Donu: integratsiya i sokhranenie etnokul'turnoy identichnosti* [The Armenian community on the Don: integration and preservation of ethno-cultural identity]. Rostov-on-Don; Taganrog: YuFU Publ. (In Russian).
3. Brednikova, O., & Pachenkov, O. (2001). Azerbaydzhanskies torgovtsy v Peterburge: mezhdru «voobrazhaemymi soobshchestvami» i «pervichnymi gruppami» [Azerbaijani traders in St. Petersburg: between “imagined communities” and “primary groups”]. *Diaspory*, (1), 137. (In Russian).
4. Dyatlov, V. I., & Melkonyan, E. L. (2009). *Armyanskaya diaspora: ocherk sotsial'no-kul'turnoy tipologii* [Armenian Diaspora: an essay on socio-cultural typology]. Yerevan: In-t Kavkaza. (In Russian).
5. Dyatlov, V. I., & Nam, I. V. (2021). Natsional'no-kul'turnye organizatsii v etnicheskoy i migrantskoy infrastrukture sibirskogo goroda (na primere Tomska i Irkutsk) [National-cultural organizations in the ethnic and migrant infrastructure of a Siberian city]. *Idei i idealy*, 13(1–2), 291–297. (In Russian).
6. Golovnev, A. V., & Guchinova, E.-B. M. (Eds.). (2021). *Identichnost' potomkov rusko-armyanskikh smeshannykh brakov v krupnykh gorodakh Rossii* [Identity of descendants of Russian-Armenian mixed marriages]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russian).
7. Kosmarskaya, N. P. (2022). *Postsovetskie diaspory: istoriya, politika, identichnost'* [Post-Soviet Diasporas: history, politics, identity]. Moscow: IV RAN. (In Russian).
8. Melkonyan, E. L. (2000). Diaspora v sisteme etnicheskikh men'shinstv (na primere armyanskogo rasseleniya) [Diaspora in the system of ethnic minorities]. *Diaspory*, (1–2), 12, 26. (In Russian).
9. Rumyantsev, S., & Baramidze, R. (2008). Azerbaydzhantsy i gruziny v Leningrade i Peterburge: kak konstruiruyutsya «diaspory» [Azerbaijanis and Georgians in Leningrad and St. Petersburg]. *Diaspory*, (2). (In Russian).

10. Tishkov, V. A. (2003). Uvlechenie diasporoy (o politicheskikh smyslakh diasporal'nogo diskursa) [Fascination with Diaspora]. *Diaspory*, (2), 160–183. (In Russian).
11. Firsov, E. Yu. (2002). Invarianty armyanskoy diaspory v rossiyskoy provintsii [Invariants of the Armenian Diaspora in the Russian province]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, (2). (In Russian).
12. Chikadze, E. (2000). Armyane Peterburga — ot obshchestvennogo dvizheniya k obshchinnym institutam [Armenians of St. Petersburg]. *Diaspory*, (1–2), 197–210. (In Russian).
13. Alexander, C. (2017). Beyond the “Diaspora’ Diaspora”: A Response to Rogers Brubaker. *Ethnic and Racial Studies*, 40(9), 1544–1555.
14. Brubaker, R. (2017). Revising the “Diaspora’ Diaspora”. A Response to Clair Alexander. *Ethnic and Racial Studies*, 40(9), 1556–1561.
15. Brubaker, R. (2005). The “Diaspora” Diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 28(1), 1–19.
16. Koinova, M. (2018). Sending States and Diaspora Positionality in International Relations. *International Political Sociology*, 12(2), 190–210.
17. Pawlowska, K. (2017). Ethnic Return of Armenian Americans: Perspectives. *Anthropological Notebooks*, 23(1), 115–124.
18. Sheffer, G. (1995). The Emergence of New Ethno-National Diasporas. *Migration. A European Journal of International Migration and Ethnic Relations*, (2), 5–28.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Петровна Космарская	Ведущий научный сотрудник, кандидат экономических наук, Центр изучения Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН, Москва, Россия, email: natkos2003@ mail.ru ORCID ID https://orcid.org/0000/0002-0122-3375
Наталья Петровна Космарская	Жетекші ғылыми қызметкер, экономика ғылымдарының кандидаты, Ресей ғылым академиясы Шығыстану институтының Орталық Азия и Кавказды зерттеу орталығы, Мәскеу, Ресей, email: natkos2003@mail.ru, ORCID ID https://orcid.org/0000/0002-0122-3375
Natalya Kosmarskaya	Leading Researcher, Candidate of Economic Sciences, Center for Central Eurasian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, email: natkos2003@mail. ru, ORCID ID https://orcid.org/0000/0002-0122-3375